

ИСПОВЕДЬ ЖЕНСКОЙ ДУШИ

(Н.С. Аришина, Немилосердные лета: Стихи, проза, дневниковые записи. Серия «Поэтическая библиотека». – М., «Время», 2023 – 442 с.)

В книгу, озаглавленную словами из стихотворения автора, вошли стихи, проза, мемуары, дневниковые записи известной современной писательницы Натальи Сергеевны Аришиной (1943-2022), менее года тому назад ушедшей из жизни. Стихи публикуются преимущественно впервые.

Поэтическое наследие Н. Аришиной, очень женское по своему стилю и настрою, как, впрочем, и другие её произведения, представляет собой очень профессиональное, убедительное, яркое явление в современной русской поэзии. В плане чисто женского поэтического мироощущения её талант отмечен приближением к творчеству А. Ахматовой и М. Цветаевой.

В её стихах, прежде всего, обращает на себя внимание выраженное акмеистическое начало, проявляющееся в особом пристрастии к «вещному» миру и «бедной утвари мира». В поэзии Н. Аришиной, опять же по словам поэта и переводчика Григория Кружкова, порой «...возникает смесь сугубо современного материала с какой-то простодушной гармонией, напоминающей о домовитой музе Древней Эллады» (с. 437). Очень сильны и знаменательны в этих стихах и тонкие культурно-исторические реминисценции.

Именно таковы стихотворения «Шумит платан», «Осень Воронцова» (написанное верлибром), «Скоро осень», «Нотрамские пчёлки», во многом программное стихотворение «Немилосердные лета», «Белые снега», «Край скалы» и др.

Известный поэт Юрий Ряшенцев справедливо замечает, что «Всё в стихах Натальи Аришиной устремлено к прекрасной правде. Никакого украшательства... Вообще Наталья Аришина очень свободна в обращении со стихотворной ритмикой. В её арсенале есть даже такие экзотические для русской поэзии формы, как лимерик» (с. 437). И ранее, о другом устном, дружеском отклике – на сей раз О. Чухонцева: «Неожиданно Олег заговорил о моей книжке. Подбирал слова, волновался. Сказал, что никогда подряд стихи не читает, а тут прочитал сразу. Меня признал акварелисткой. (Фаликов «пишет маслом»)... Это впервые за наше тридцатилетнее знакомство он говорил обо мне. И волновался. Я – тоже» (с. 348). Поэтика стихов Натальи Аришиной, замечает Татьяна Бек, «в ответах античности и позднего язычества. Она суеверна: толкует сны, гадает и загадывает, верит в приметы. Но главное, что за этим вера, а не случайность призвания, в тайну высшей доли, в сладкую тяжесть дара. Аришина заверяет:

*Когда стихи согреты тайным жаром,
невидимо горя, –
поверь, они сработаны недаром,
загадочны не зря.
(с. 345).*

Классическое женское начало видно и в следующих стихах:

*Я вас переживу, я старая ведунья,
С душою беспощадной, но живой.
Как тень седа, устав от полнолуния,
По-прежнему калдую над строкой.
(с. 345)*

Несомненно, что некоторые черты и особенности поэзии проявилось и в прозе Натальи Аришиной, наполненной очаровательными подробностями окружающего мира – и в этой книге проза, насколько мы можем судить, представлена, кажется, достаточно полно.

В мемуарной повести «Воспоминанья зарифмую» перед нами предстаёт целая красочная панорама культурно-исторической и современной литературной Москвы, её людей, какими их видела Наталья Аришина. Перед читателями проходит длинная вереница разных известных имён, как живых, так и из недавнего прошлого. С легкой иронией подан сюжет мнимого «вселения» (вместе с мужем – поэтом Ильей Фаликовым) в квартиру в доме на Фрунзенской набережной, где некогда жила вместе многочисленными кошками дочь А.И. Куприна Ксения (которую в семье, как мы знаем, называли Кисой). Или же упоминание об Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, «даме очень элегантной»... В повести Аришиной на каждом шагу – неповторимые чисто московские приметы и детали: Александровский сад, Кисловский и Лебяжий переулки, Поварская, Никитский бульвар со старым памятником Гоголю возле дома, в котором он умер, Большая Никитская, где находится знаменитый ЦДЛ, который часто в центре внимания писательницы – ведь столько всего у неё было связано с этим домом!

Аришиной свойственна изощрённая и иногда довольно острая наблюдательность, например, когда она пишет о памятнике И.А. Бунину, установленному в сквере на Поварской, напротив дома, где он жил: «Это какими же глазами надо было увидеть Ивана Алексеевича, чтобы он оказался похож на трактирного полового? Стоит истукан с перекинутым через руку полотенцем: „Чего изволите?“» (с. 101). Такая чуть ядовитая и, возможно, недобрая, но справедливая наблюдательность сделала бы честь и самому Бунину, который, как известно, очень отличался ироничным, отрицательным и просто злым взглядом на мир и современников...

На этих страницах вдруг возникает и «красный граф А.Н. Толстой», бронзовую барственную фигуру которого изваял Г.И. Мотовилов. «Красный граф» сидит в кресле, положив ногу на ногу, против церкви Большого Вознесения, где венчался в 1837 году, как известно, Пушкин, а за углом находится столь же барская квартира советского классика с антикварной мебелью, с великолепными произведениями живописи, – в ней, как известно, располагается музей-квартира А.Н. Толстого, один из лучших московских литературных музеев. У Н. Аришиной мы часто впадаем в увлекательное путешествие по литературной Москве, по местам, многим хорошо знакомым и для многих бесконечно дорогим.

В московские реалии вдруг неожиданно вторгается знаменитая питерская дача – «будка А.А. Ахматовой в Комарове». Автор этой рецензии часто бывает и ныне в этом легендарном месте в гостях у нового арендатора, петербургского литератора, носящего по удивительному совпадению также фамилию «Ахматов». Совсем рядом – кладбище, где находится последний приют великой поэтессы. А чуть подальше, окружённое черничными лесами, Щучье озеро с его водяными лилиями. Столь же личным для Аришиной стал и сам Петербург – Ленинград, который сейчас, пожалуй, не всегда поворачивается язык назвать Петербургом; Кронштадт, с которым у автора было много связано личного...

Далее на страницах этих мемуаров мы видим и известную Ларису Васильеву, любившую «руководить и покровительствовать» (с. 117), и секретаршу С.В. Михалкова, его многолетнюю верную помощницу Людмилу Дмитриевну Салтыкову, которую она, правда, довольно странно окрестила верным «Фирсом» престарелого поэта, и поэтому не совсем понятно, кто же из них тогда истинный чеховский Фирс из «Вишневого сада». В книге часто появляется и друг семьи, «непредсказуемый человек», крупный советский поэт Александр Петрович Межиров.

Вслед за названными персонажами появляется Станислав Стефанович Лесневский, который часто будет фигурировать по разным поводам и далее, глубочайший специалист в области изучения наследия А. Блока, возглавивший комиссию по литературному наследию Владимира Соколова. Тут же проходит Аза Алибековна Тахо-Годи, вдова всемирно известного академика-античника Алексея Федоровича Лосева; литературовед Александр Парнис, с которым Аришина познакомилась в издательстве «Прогресс-Плеяда», возглавляемом Ст. Лесневским до самой его кончины в 2014 году. И с тем, и с другим автор статьи был хорошо знаком, работая с ними в отделе Серебряного века Института мировой литературы, и был свидетелем их позорного изгнания из этого почтенного заведения, которому всегда были, к сожалению, присущи интриганство и склоки.

Прекрасный образец русского мемуарно-автобиографического жанра – так можно характеризовать прозу и отчасти «дневниковые записи» Н. Аришиной. По мнению составителя книги Ильи Фаликова,

это «В общем-то не дневник как таковой, а именно дневниковые записи» (с. 317). И нельзя не заметить, что дневниковые записи Н. Аришиной опять же перемежаются стихами, которые являются как бы их своеобразным камертоном, как и цитатами из стихотворных произведений других поэтов.

Но в то же время мы здесь можем встретить и просто жизненные записи, сообщающие о разного рода фактах и событиях, в частности, печальных – к примеру, о смерти и похоронах в конце февраля 1990 года Давида Самойлова, о кончине в Филадельфии Н.Н. Берберовой 26 сентября 1993 года, об уходе из жизни Ю.М. Лотмана 28 октября того же 1993 года и т.д.

Здесь подробности окружающего мира, проявляющееся наряду с прочими в очень проникновенных описаниях природы, например, Ялты и окрестностей. И, конечно, вновь – многие известные персонажи, современные литературные деятели, как живые, так и уже ушедшие – тот же Ст. Лесневский, известный поэт и исследователь Достоевского, профессор-литературовед Игорь Волгин, Зоя Богуславская, Евгений Евтушенко, о котором И. Фаликов создал замечательную книгу для ЖЗЛ, одобренную при жизни самим Евтушенко. В этих записях фигурируют колоритные описания современной литературы и околосредоточной жизни, написанные пером профессионального литератора, но опять же преимущественно под женским углом зрения, о чём свидетельствуют детали и подробности (например, описано, как Н. Аришина собирается куда-либо идти из дома, во что она одевается и т.д.).

В книге публикуется также и повесть Аришиной, заглавие которой – «Восьмислойные облака» – становится в определённом смысле многозначным. В этом произведении повествование ведётся как бы в двух планах – действие происходит в Москве, в подмосковных Люберцах, где живёт один из героев, и в Японии. Везде действуют, страдают, чувствуют, наслаждаются любовью и переживают разные горести и разочарования герои – Денис, Наталья, Мария, Борислава, Стриж, японка Тиё. Повесть «Восьмислойные облака» отличается очень пряным и терпким, иногда откровенным эротизмом, зачастую почти натуралистичным, и очень напряжённым сюжетом, который сопровождают вполне органично всё те же подробности и детали «вещного мира», о которых мы уже говорили.

Таким образом можно сделать вывод, что читатель получает в высшей степени увлекательную книгу, которая держит его в напряжении от первой до последней страницы. И в целом книга Н. Аришиной «Немилосердные лета», как пишет И. Фаликов в коротком предисловии, представляет собой отнюдь не финально-всеобъемлющей отчёт литератора о своей работе. Мы застали автора в процессе. Может быть, элемент финиша не чужд самоощущению поэта. Но процесс был прерван. Свет внезапно пропал. Ищем в сумерках» (с. 6).